УДК 930:327(470+571)“1921”

Рижский договор 1921 г. в работах советских историков межвоенного времени

Мезга Н.Н.
Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

В статье подвергнута анализу советская межвоенная историография по проблеме Рижского мирного договора 1921 г. На основе изучения широкого комплекса работ советских историков той эпохи выявлены основные вопросы данной исследовательской проблемы, ставшие предметом изучения: причины, обусловившие начало переговоров, их ход и позиции сторон, оценка исторического значения Рижского договора. Установлено, что в советской историографии 1920-х – 1930-х годов преобладает точка зрения, что победы Красной армии принудили Польшу к началу мирных переговоров. В ходе их советская сторона проявила готовность к компромиссу, чтобы обеспечить достижение мира. Рижский мир оценивается в целом как успех советской дипломатии, так как согласно ему Польша получила значительно меньшие территории, чем ей предлагались советской стороной весной 1920 г., и советская Россия сохранилась как центр мировой революции.
Ключевые слова: *историография, Рижский договор, польско-российская война, переговоры, вопрос границы, компромисс, советская Россия, Польша, межвоенный период.*

(Ученые записки. – 2012. – Том 14. – С. 31–37)

Riga 1921 treaty in works of Soviet historians of interwar time

Mezga N.N.
Educational establishment “Gomel State Francisk Skorina University”, Gomel

Soviet interwar historiography on the problem of Riga peace 1921 treaty is analyzed in the article. On the basis of wide complex study of Soviet historians’ works of that epoch fundamental issues of the given research problem have been revealed and the following have become the subjects to study: motives that provided conditions for parley beginning, its course and position of the parties, evaluation of the historical significance of Riga treaty. It has been found out that in Soviet historiography of the 1920–1930s the following viewpoint predominates: the victory of the Red Army forced Poland to start peace negotiations. During the negotiations the Soviet party showed all set to compromise to secure peace achievement. Riga treaty is regarded in general as success of Soviet diplomacy, as according to it Poland got much less territory than it had been offered by the Soviet party in the spring of 1920 and Soviet Russia survived as the center of world revolution.
Key words: *historiography, Riga treaty, Polish-Russian war, negotiations, the boarder question, compromise, Soviet Russia, Poland, interwar period.*

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 14. – P. 31–37)

Адрес для корреспонденции: e-mail: nmezga@gsu.by – **Н.Н. Мезга**

Рижский мирный договор явился одной из самых трагических страниц в истории белорусского народа, установив его раздел на ближайшие двадцать лет. Кроме того, он во многом предопределил характер польско-советских отношений на протяжении всего межвоенного периода и оказывал существенное влияние на ситуацию в Центрально-Восточной Европе в целом. Высокая степень значимости данного исторического события привлекла к нему большой научный интерес исследователей, в результате чего сформировалась обширная историография Рижского договора. В этой статье мы рассмотрим начальный этап становления историографии по данной проблематике в России и СССР, охватывающий межвоенное время.

В исследованиях советских и постсоветских историков при изучении историографии советско-польских отношений в 1918–1939 гг. основной упор делался на исследование ее послевоенного этапа. Как отмечает российский историк Е.П. Аксенова, история «отечественного славяноведения» межвоенного периода «изучена гораздо слабее» по сравнению с другими периодами. Данный автор пытается восполнить указанный пробел, но при этом сразу же оговаривается, что она не рассматривает славяноведение на Украине и в Беларуси [1, с. 3, 5]. Точка зрения о слабом исследовании советско-польских отношений в советской межвоенной историографии четко звучит и в фундаментальном издании «Очерки истории исторической науки в СССР». При этом справедливо отмечается, что работы, изданные в межвоенные годы, носили более популярный и публицистический, нежели научный характер [2, с. 512]. Белорусский исследователь В.А. Острога в своей статье подчеркивает, что, в частности, в советской белорусской межвоенной историографии советско-польские отношения исследовались очень слабо и отмечает только статью В. Пичеты, посвященную советско-польским мирным переговорам в Риге [3, с. 161].

Несколько иную точку зрения по этой проблеме высказывает российский исследователь Р.Г. Пихоя. По его мнению, советская власть, в особенности с 1930-х годов, посчитала нужным активно использовать историческую науку для обоснования своего исторического права на место в истории России. Историческая наука с конца 1920-х годов должна была обосновывать преемственность политики царской России и России советской, в том числе и политики внешней [4, с. 41]. Это неизбежно должно было вести к активизации исследования советско-польских отношений, так как именно они являлись центральным элементом политики по восстановлению прежних позиций России в Восточной и Центральной Европе. Влияние политического фактора на развитие советской историографии сказывалось и на том, что для советских историков той эпохи «было характерно изучение внешней политики, в основе которого лежало стремление разоблачить политику внешних врагов СССР» [2, с. 514].

Цель данной статьи – анализ советской межвоенной историографии проблемы Рижского мирного договора 1921 года. Задачи: установить степень изученности советскими исследователями данного периода, выявить разработанные ими концепций и оценки этого события, определить влияние на исследования политического фактора.

Материал и методы. Статья написана на основе изучения целого ряда исторических трудов, появившихся в советской историографии в межвоенный период. В процессе работы использовались общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический) методы исследования, которые позволили проанализировать взгляды и выводы советских авторов по проблеме заключения Рижского мирного договора 1921 г.

Результаты и их обсуждение. К числу первых исследователей Рижского договора в советской России мы имеем основания отнести В.И. Ленина. В ленинских работах отмечается, что Рижский договор был для советской

России тяжелым, но его условия все же более выгодные, чем те, которые советское правительство предлагало Польше весной 1920 г. [5, с. 18]. Стремление к быстрейшему заключению мира с советской стороны В.И. Ленин объясняет желанием избежать еще одной зимней военной кампании, которая была бы очень тяжелой для рабочих и крестьян России. Ради этого, по его мнению, «стоит получить меньшую территорию Белоруссии и иметь возможность меньшее количество белорусских крестьян вырвать из-под гнета буржуазии» [6, с. 363]. При этом последующие советские историки не обратили должного внимания на то, что еще 24 сентября 1920 г. В.И. Ленин говорил о границе с Польшей, которая должна была пройти значительно западнее той, которая будет установлена Рижским договором, а именно, по линии река Щара, Агинский канал, реки Ясельда и Стырь [7, с. 285–286]. Положения, изложенные в этих ленинских работах, а также в работах других советских политических деятелей, легли в основу подходов и концепций советской историографии при изучении отношений между советской Россией и Польшей на многие годы.

Советские историки межвоенного времени при изучении Рижского договора стремились прежде всего установить причины, которые привели стороны за стол переговоров. При этом они указывают на желание обеих сторон прекратить войну в тот момент. Тезис о том, что и Польша стремилась к миру осенью 1920 г., звучит в исследованиях К. Радека. Он говорит о разочаровании поляков той ничтожной помощью, которую они получили от Франции как о факторе, подтолкнувшем их к переговорам. У советской России, по его мнению, было достаточно сил для продолжения войны, но она предпочла переговоры и компромисс с Польшей [8, с. 64]. Он отмечает, что главною преградою на пути к миру была «украинская» авантюра поляков. Но уже на начальном этапе переговоров в Минске они от нее отказались, что открывало путь к мирному урегулированию польско-советского конфликта [8, с. 64]. Далее К. Радек делает вывод о причинах, в силу которых советское правительство согласилось пойти на компромисс и сделало большие территориальные уступки Польше. Главное заключалось в том, что советская Россия сохранялась как центр мировой революции, которая вскоре освободит всех угнетенных. По мнению К. Радека, в лесах и болотах Беларуси не заключалось никаких жизненных интересов советской России. Следовательно, эти территории можно было уступить. В то же время обладание Западной Беларусью только затруднит экономическое положение польской буржуазии [8, с. 64]. Получается, что, с точки зрения ослабления капиталистической Польши и подготовки в ней революции, было даже выгодно уступить ей Западную Беларусь, а раз так, то территориальные требования Польши не могли стать препятствием на пути к заключению мира.

В середине 1920-х годов советские историки начинают указывать на военное поражение Польши как фактор, принудивший ее к переговорам. В. Пичета добавляет еще одну причину, подтолкнувшую Польшу на путь переговоров: на польское правительство было оказано давление со стороны западноевропейских государств, ведь их буржуазия была очень встревожена удачным наступлением Красной армии и с помощью мирных переговоров хотела предотвратить разгром

Польши [9, № 5, с. 91]. Хотя в то же время В. Пичета отмечает неоднозначность французской позиции. С одной стороны, французское правительство считало целесообразным продолжение польско-советской войны, чтобы спасти армию Врангеля. С другой – оно признавало, что Польша не может вести войну «вследствие угрозы социального взрыва» [9, № 6, с. 128].

Если в 1920-е годы советская историография больше говорила о взаимной усталости от войны как факторе, подтолкнувшем Россию и Польшу к мирным переговорам, то в следующее 10-летие акценты меняются. На первый план выходит тезис о военном поражении Польши, что и вынудило ее пойти на мир. Л. Ломов в этой связи пишет: «Разбив армию польских интервентов, советское государство добилось разрешения всех основных задач: мира с Польшей, условия для уничтожения последнего ставленника империалистов – Врангеля, и возможности приступить к социалистическому строительству» [10, с. 13]. В работе «Фашистская Польша в тупике», вышедшей в 1936 г., уже вообще не упоминается о поражении Красной армии под Варшавой, отмечается, что она отбросила поляков далеко в глубь Польши, аж до Варшавы, и «в результате этого поражения Польша вынуждена была подписать с Советской Россией мирный договор» [11, с. 10].

И.Ф. Лочмель основную причину согласия Польши на начало мирных переговоров также видит в ее военной слабости. По его мнению, Польша не имела сил продолжить войну, с тревогой ожидала контрудара Красной армии и вынуждена была пойти на мирные переговоры [12, с. 44–45]. Ф. Попов выделяет две основные причины, по каким Польша пошла на мирные переговоры: страх перед новым наступлением Красной армии и революционный подъем внутри страны [13, с. 58].

При изучении хода мирных переговоров в Минске и Риге советская историография отмечает грабительский характер требований, предъявленных Польшей. М.П. Павлович еще в 1920 г. писал по этому поводу, что «польские требования дышат такой наглостью, и настолько чудовищные, что даже условия Брестского и Версальского мирных договоров совершенно бледнеют перед условиями этого нам навязываемого Польского мира» [14, с. 7].

Наиболее детально ход советско-польских мирных переговоров в исследованиях межвоенного времени был изложен В.И. Пичетой. Он отмечает, что на первом этапе переговоров польская делегация активно применяла тактику затягивания времени. Автор связывает это с тем, что начала меняться в пользу Польши ситуация на фронте под Варшавой, и значительно активизировала свои действия армия Врангеля [9, № 5, с. 95]. С успехами польских армий В.И. Пичета связывает и то, что польская делегация решительно отклонила первоначальные советские условия мира, хотя они, по его мнению, были одобрены английским правительством [9, № 5, с. 99–100]. Он рассматривает позиции польских партий в связи с мирными переговорами в Минске и Риге. В.И. Пичета отмечает, что польские национал-демократы, которые определяли позицию польской делегации на переговорах, видели будущее Польши на море и исходили из целесообразности заключить мир с советской Россией на умеренных условиях, чтобы сконцентрировать усилия на борьбе с Германией. Но при этом даже они считали необходимым «провести границу около Минска или немного за Минском» [9, № 6, с. 128]. Постановление ВЦИК РСФСР от 23 сентября 1920 г. содержало новые советские предложения относительно мира с Польшей, которые коренным образом изменяли прежнюю позицию РСФСР [9, № 6, с. 131–132].

В.И. Пичета подчеркивает, что советская

делегация готова была пойти на значительные уступки, чтобы быстрее достигнуть соглашения о прелиминарном мире, а обмен мнениями между делегациями свидетельствовал о взаимном желании достигнуть мирного соглашения. Наиболее сложным оказался вопрос о границе. Но и тут в конечном итоге советская сторона проявила склонность к уступкам, чтобы ускорить заключение мира. Другим спорным вопросом стала передача Польше части российского золотого фонда [9, № 6, с. 133, 138–139, 142].

В «Истории гражданской войны 1918–1921» также отмечается, что путь для подписания мирного договора с Польшей был открыт решением ВЦИК от 23 сентября 1920 г., которое значительно смягчило советские условия мира и содержало готовность к значительным территориальным уступкам. Авторы этого издания считают, что советская сторона руководствовалась при этом желанием избежать еще одной зимней кампании, которая была бы очень тяжелою для рабочих как России, так и Польши [15, с. 468].

Советская историография обратилась и к проблеме определения значения Рижского договора как документа, подытожившего результаты польско-российской войны. Главный итог войны виделся советским историкам в том, как отмечал
Ю. Мархлевский, что Польша вынуждена была все же согласиться на мирные переговоры. Важным результатом войны, по его мнению, стало и то, что поляки по Рижскому договору получили значительно меньшие территории, чем советское правительство соглашалось им отдать весной 1920 г. [16, с. 37–38]. К. Радек тоже пишет о том, что территориально поляки в марте 1920 г. могли получить значительно больше, чем получили [8, с. 75]. Я. Иоффе в свою очередь подчеркивает, что Польша по Рижскому договору получила в плане территориальных приобретений значительно меньше, чем ей предлагало советское правительство осенью 1919 г. или весной 1920 г. [16, с. 157].

В работе «Гражданская война 1918–1921» итог польско-российской войны, зафиксированный в Рижском договоре, представляется в целом как положительный для советской России. Отмечается, что польское правительство не достигло своих целей, которые заключались в выходе польского государства на границы 1772 г. Авторы этого издания считают, что войну 1920 г. можно рассматривать как «победу советской стратегии», ведь Польша по условиям Рижского договора получила территорию на 59650 км кв. меньшую, чем та, какую ей предлагало советское правительство в январе 1920 г. [15, с. 469]. П.В. Суслов опять же указывает на то, что Польша в результате событий 1920 г. получила меньше, чем ей предлагалось до возобновления военных действий, в частности, была освобождена значительная часть захваченной ею территории Украины и Беларуси, включая Минск [17, с. 23].

Тем не менее, несмотря на приведенные выше оценки Рижского мира как определенного внешнеполитического успеха советской России, он многими советскими историками оценивался как крайне несправедливый. Эти определения в особенности выразительно звучат в работах В.П. Друнина. Он пишет, что Рижский мир со стороны Польши был миром грабительским, империалистическим, так как в результате его она захватила обширные территории, населенные белорусами и украинцами, насильственно отторгнув их от советских Беларуси и Украины [18, с. 191].

Важнейший результат Рижского мира Я. Иоффе видит и в том, что «попытка французских империалистов задавить русскую революцию силами польской армии окончилась, как и все предыдущие попытки, полной неудачей» [16, с. 158]. И.Ф. Лочмель к наиболее важным итогам польско-российской войны относит то, что «только благодаря победе над Польшей рабочие Белоруссии получили возможность строить социалистическое

государство рабочих и крестьян» [12, с. 45].

Заключение. Таким образом, в советской межвоенной историографии имеется значительный комплекс работ, в которых в той или иной степени подвергнута исследованию проблема Рижского мирного договора 1921 г. При его изучении историки концентрировались на нескольких аспектах: выявление причин, которые привели участников конфликта за стол переговоров; ход переговоров и эволюция позиций сторон; значение и последствия Рижского договора как документа, который подвел итоги польско-российской войны 1919–1920 годов. В изучении первого аспекта наблюдается эволюция позиций советских историков межвоенного периода от признания в качестве главной причины начала переговоров истощения противников в ходе войны и их желания избежать новой военной кампании к тезису о военном поражении Польши как основном факторе, принудившем ее к мирным переговорам. При исследовании позиций сторон в ходе переговоров акцент делался на гибкость советской стороны, ее готовность идти на уступки ради достижения мира. В то же время Польша обвинялась в выдвижении империалистических требований. При этом правильно были определены наиболее сложные вопросы в ходе переговоров: о границе и о передаче Польше материальных ценностей.

Говоря об итогах войны, зафиксированных в Рижском договоре, советская межвоенная историография концентрировала свое внимание прежде всего на том, что мир был заключен на более легких условиях по сравнению с теми, на какие советская Россия соглашалась весной 1920 г., а также на сохранении советской России в качестве базы мировой революции.

Необходимо отметить, что работы, посвященные польско-советским отношениям, изданные в 1920-е – 1930-е годы, писались по горячим следам текущих событий. Результатом этого стало большое влияние на их содержание политического фактора. Многие из них имели в значительной степени публицистический характер.

Литература

1. Аксенова, Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы / Е.П. Аксенова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2000. – 224 с.
2. Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. – М.: Наука, 1966. – Т. 4. – 854 с.
3. Острога, В.А. Проблемы польской истории в белорусской историографии / В.А. Острога // Историческая наука и историческое образование в Республике Беларусь: в 2 ч. – Минск: Университетское, 1995. – Ч. 2. – С. 158–163.
4. Пихоя, Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века / Р.Г. Пихоя // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 28–53.
5. Ленин, В.И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь на Московской губернской конференции РКП (б) 21 ноября 1920 года / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 17–38.
6. Ленин, В.И. Заключительное слово на совещании представителей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 года / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 362–366.
7. Ленин, В.И. Записка Г.В. Чичерину 23 сентября 1920 года / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 285–286.
8. Радек, К. Внешняя политика Советской России / К. Радек. – М.–Пт.: Госиздат, 1923. – 112 с.
9. Пічэта, У. Польска-савецкія адносіны і Рыжскі мір / У. Пічэта // Полымя. – 1928. – № 5, 6.
10. Ломов, Л. Польша и армия / Л. Ломов. – М.: Гос. воен. издат., 1935. – 64 с.
11. Фашистская Польша в тупике. – Л.: Ленинградск. област. изд., 1936. – 68 с.
12. Лочмель, И.Ф. Освобождение Белоруссии от белопольских оккупантов (11 июля 1920 г.) / И.Ф. Лочмель. – Минск: Гос. издат. Белоруссии, отдел полит. литерат., 1939. – 53 с.
13. Папоў, Ф. Барацьба беларускага народа з белапольскімі акупантамі / Ф. Папоў //

Бальшавік Беларусі. – 1940. – № 6. – С. 42–59.
14. Павлович, М.П. Война с польскими панами (Польско-шляхетская авантюра) / М.П. Павлович. – М.: (без изд.), 1920. – 32 с.
15. Гражданская война 1918–1921: в 3 т. – М.–Л.: Гос. издат., отдел воен. книги, 1930. – Т. 3: Военно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. – 560 с.
16. Иоффе, Я. Организация интервенции и блокады Советской республики 1918–1920. Очерк / Я. Иоффе. – М.–Л.: Гос. издат., отдел воен. лит., 1930. – 167 с.
17. Суслов, П.В. Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года / П.В. Суслов. – М.–Л.: Гос. издат., отдел воен. лит., 1930. – 174 с.
18. Друнин, В.П. Польша, Россия и СССР. Исторические очерки / В.П. Друнин. – М.–Л.: Гос. издат., 1928. – 219 с.

Поступила в редакцию 05.11.2012 г.

Принята в печать 21.12.2012 г.